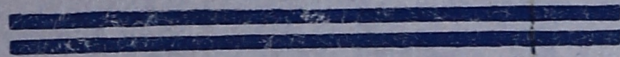

НОВОБИТЪ
МИРО

4

1959

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXV

№ 4

Апрель, 1959 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. ДРАБКИНА — Черные сухари	3
АРКАДИЙ КУЛЕШОВ — Три стихотворения. Авторизованный перевод с белорусского Якова Хелемского	51
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ — Из стихов последних лет	53
Б. А. ЛАВРЕНЕВ — В канун праздника, глава из романа. Автобиография	56
СТЕПАН ЩИПАЧЕВ — Июль был полон гроз. Вернувшись с аэродрома, стихи	68
АНАТОЛИИ КЛЕЩЕНКО — Инспектор, рассказ	69
А. КОСТЕРИН — В долине Неры, рассказ	81
С. ЖУРАХОВИЧ — Семейный разговор, рассказ. Перевел с украинского А. Островский	92
ИЗ СТИХОВ ПОЭТОВ ГРЕЦИИ. Костас Варналис. Один и все. Отверженные. Смерть! Меня сломить ты хочешь... — Никифорос Врегакос. Четырнадцать детей. Без колечка. Весна. Ты зашло, мое солнце... Цветущее дерево миндаля... — Яннис Рицос. Руки товарищей. Оратор-рабочий. Шаг за шагом. Перевели с греческого М. Кудинов и Александр Янов	97
АЗИЗ НЕСИН — Турецкие рассказы. Перевели Н. Шилов и Л. Медведко	107
Г. НОВОГРУДСКИЙ, А. ДУНАЕВСКИЙ — Пау Ти-сан и его товарищи	115
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
Н. МЕЛЬНИКОВ — Они живут в Темир-Тау	136
ПУБЛИЦИСТИКА	
Б. ЯКОВЛЕВ — По великим заветам	161
ЕКАТЕРИНА СТРОГОВА — Стратегия большой науки	171
И. СМИРНОВ, агроном — Не допускать шаблона (По поводу статьи Л. Иванова «Когда сеять?»)»	188
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
От первой ссылки к марксистскому кружку (Некоторые новые данные, касающиеся юности В. И. Ленина). Публикацию подготовил Г. Хаит	194
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
И. АНДРЕЕВ — Германский вопрос	197

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

51943

Такие грандиозные, подлинно творческие, государственно важные задачи поставлены перед всем нашим народом, которому нужен и кровно дорог отечественный лес, его неиссякаемые богатства. Свое яркое и умное слово о русском лесе, о величественном плане обновления родной приро-

ды, о живых людях, отдающих силы созидательному и полезному для всей страны делу, должен сказать в наши дни советский писатель — прямой участник народного творческого труда.

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ.

★

Они остались молодыми

В этой книжке собраны стихи поэтов, павших в бою, стихи поэтов — героев Отечественной войны, чья жизнь и чья смерть принадлежат поэзии сами по себе, даже независимо от того, что было написано ими.

Наиболее интересна книжка теми поэтами, которые никогда не были напечатаны ни в каких других сборниках, которые не имели при жизни ни имен, ни отдельных изданий, которые были только на пороге жизни и все, что несли в себе и еще не успели выразить как поэты, вложили в этот единственный подвиг.

От сборника, почти от каждой его страницы, веет молодостью. Это определяется не возрастом того или иного поэта, но возрастом времени, неповторимым десятилетием наших тридцатых годов.

Для всех поэтов, собранных здесь, характерно острое ощущение ценности жизни и своей глубокой связи с ней.

...И счастлив тем,
Что я к земле
 прикован,
Что я во всем,
Как все во мне, живу!

(Борис Костров)

Им свойственны огромное жизнелюбие, жадность к жизни как к действию, желание все изведать и все испытать, все свершить своими руками, тяга к большим просторам, потребность сделать достоянием своей духовной и даже своей реальной жизни жизнь всего мира.

К опаленным подступам Кордовы,
К астурийским рослым горнякам
Рвется сердце.

(Леонид Шершер)

Им кажется необходимым все связать воедино: и прошлое, и будущее, и свою каждодневную жизнь, и свою мечту, и поступ-

Стихи остаются в строю. Составители М. Матусовский и Я. Хелемский. 284 стр. «Советский писатель». М. 1958.

ки, и мысли, и просто разные взгляды на разное. Потребность в целостном восприятии мира диктовалась ощущением, что будущее начинается с нас, что то, как и чем мы живем, — самое главное, что от этого зависит, как будет жить человечество дальше.

Ощущение особой значительности своего времени, гордость своим веком, своей судьбой — один из основных лейтмотивов сборника.

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
...Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они, —

писал о себе, о своем поколении, о своей судьбе Павел Коган.

И совсем по-другому, но о том же писал Николай Майоров:

...Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы...
...Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками.
И в женщину влюблялись не спеша.
И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача...
...Так я пишу. Пусть не точны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда выпрямила губы.
Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.

Это написано до войны. Но Майоров пишет здесь о себе так, будто он уже прошел и войну и смерть, будто он уже принял ту участь, которая ему выпала. Так глубоко было в нем понимание того, что ему предстояло.

Это характерно для всех без исключения поэтов сборника. Предчувствие надвигающейся войны с фашизмом было воздухом, в котором они жили. Но это предчувствие не было ощущением дамоклова меча, неотвратимо занесенного над головой, нет, более существенным здесь было другое: гордость своей готовностью принять предстоящее испытание, ощущение своей «походности», своей способности сделать то, что требует время.

Я слушаю далекий грохот,
Подпочвенный неясный гул —
Там подымается эпоха,
И я патроны берегу.
Я крепко берегу их к бою.
Так дай мне мужество в боях,
Ведь если бой, то я с тобою,
Эпоха громная моя.

(Павел Коган, в сборник не вошло)

От их горячей влюбленности в жизнь неотделима их горячая готовность отдать свою жизнь в предстоящих боях. Готовность к гибели во имя самого главного — высшее проявление потребности в предельно активной жизни, и меньше всего здесь мысли о смерти как таковой.

Поэтому почти все они любят писать о том, что им суждено было свершить, как об уже свершившемся, часто даже уже в прошедшем времени.

Захар Городисский просит передать друзьям, что

...я, нахлебавшись смертельного ветра,
Упал не назад, а вперед,
Чтоб лишних сто семьдесят два
сантиметра
Вошли в завоеванный счет.

Владислав Занадворов рассказывает о своем конце:

...А мы в снегу, на склонах голых,
Лежали молча, как легли,
Не подымали век тяжелых
И их увидеть не могли.
Но, утверждая наше право,
За нами вслед на горы те
Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.

Павел Коган говорит о своем поколении, о «лобастых мальчиках невиданной революции», в двадцать пять лет внесенных «в смертные реляции»:

Мое поколение —
Это зубы сожми и работай.
Мое поколение —
Это пулю прими и рухни.
Если соли не хватает —
Хлеб намочи потом.
Если марли не хватает —
Портянкой замотай тухлой.

И в другом месте:

Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь.
...И задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы
И уж не встать...

(Оба отрывка в сборник не вошли)

Вспоминая свое детство, себя и своих сверстников, маленьких, восторженных, злых мальчишек, он предсказывает:

Когда-нибудь в пятидесятых
Художники от мук сопреют,
Пока они изобразят их,
Погибших возле речки Шпрее.

Так же представлял себе свой удел Александр Ясный:

И за весну, под барабанный бой,
Паду с раздробленной головой
Я где-нибудь на Фридрихштрассе.

Это не самоотречение. Это самоутверждение. Так они понимали счастье — право чувствовать себя достойным своего века, своего поколения и его суровых задач.

Эти стихи написаны людьми не обреченными, а счастливыми, гордыми своей высокой судьбой.

Ну, а я, прочитав Светлова,
Загасив в изголовье свечу,
Сплю в походной палатке и снова
Лучшей доли себе не хочу...

(Борис Костров)

Эти стихи написаны людьми того поколения, которое было рождено революцией, выращено на ее традициях.

И то, что в этом мотиве, мотиве своей судьбы, поэты столь различные так повторяют друг друга — лишнее доказательство, что они выразили здесь то, что принадлежало не только им.

Нет, слова о жертвенности, обреченности мало что выражают и объясняют в данном случае. Но, безусловно, понимание предстоящего придавало определенный колорит восприятию жизни.

В ту пору появилось понятие «мужественного оптимизма» в противовес слишком легковесному, слишком бездумному опти-

мизму, который сквозил во многих стихотворениях, песнях, фильмах того времени.

«Время суровеет», — сказал один из поэтов, выступая в многолюдной студенческой аудитории. Это было в 1939 году.

Московская молодежь по восемь, по девять раз ходила смотреть юношеский, почти самодеятельный спектакль арбузовской студии «Город на заре». Удивительна была история этого спектакля. Он был создан совсем не профессионалами — молодыми ребятами, студентами и рабочими, и каждый из них своей ролью рассказывал о себе.

Удивительно было его содержание. Это была хроника строительства Комсомольска-на-Амуре. Почти все судьбы героев завершались трагично, а в целом спектакль звучал глубоко утверждающе, и участь его героев вызвала не только сочувствие, но и зависть.

Это породило тогда горячие споры. Одним казалось, что спектакль перенасыщен трагическим, другие именно в этом видели выражение настоящего сурового, мужественного отношения к жизненной правде. Студийцы приезжали к нам в институт, мы обсуждали этот спектакль. Запомнился разговор, который вспыхнул стихийно, когда гости уже уезжали от нас. Это было поздно вечером, наверно ночью, у трамвайной остановки Ростокинский проезд, в Сокольниках, в ожидании 43-го номера. Светловолосая девушка, игравшая в спектакле такую же светловолосую девушку, жену героически погибшего паренька Зяблика, забралась на высокий сугроб перед трамвайной остановкой и проводила необычное голосование.

— Кто за то, чтобы Зяблика оставить в живых?

— Кто за то, что Зяблик должен погибнуть?

Зяблик был самым любимым всем нам героем спектакля. И все-таки мы явным большинством проголосовали за то, что он должен погибнуть.

Это был голос времени. Это было предчувствие жестоких испытаний. Это была готовность принять их. Это было желание смотреть правде в лицо.

И парень, игравший Зяблика, и почти все другие студийцы, и почти все из тех, кто принимал участие в этом голосовании у трамвайной остановки, через два года ушли на фронт. Многие из них не вернулись обратно.

Все это не случайно всколыхнулось в памяти в связи с книгой поэтов-героев.

Книга эта воссоздает облик той молодости, которой суждено было в сорок первом году взять на себя тяжесть войны.

Многие страницы этой книги читаются как дневник поколения. Романтическое ожидание подвига в мальчишеские годы, которое иногда сначала блуждало среди парусов далеких фантастических бригадин, в тумане тоски по отгремевшим боям, но потом всегда обретало себя на главном направлении времени. Юношеское нетерпение слиться со своей настоящей судьбой, чуть только она забрезжила, стала зримой.

Я последний раз в одежде штатской
Под военным небом прохожу.

(Борис Богатков)

Верность этой окрыленной юности, когда пора романтики уже миновала и наступила пора реальных солдатских дел.

Фронтальная судьба! Что есть чище и выше
на свете!

Ты живешь, ощущая всегда, как тебя
обдаст

Бескорыстный, прямой, удивительной
ясности ветер

От винта самолета, готового в дальний
полет.

...Ты поверь мне, что это не просто
красивая фраза.

Ты поверь, что я жить бы, пожалуй, на
свете не мог,

Если б знал, что сумею забыть до
последнего часа

Ветер юности нашей, тревожных и
дальних дорог.

А когда я умру и меня повезут на лафете,
Как при жизни, мне волосы грубой рукой
шевелнет

Невидящий слезы
и смерть презирающий ветер

От винта самолета, идущего в дальний
полет.

(Леонид Шершер)

И при всей этой романтической настроенности — готовность принять труд войны, со всеми его тяготами, внимание к будням войны, к ее обыденности; недаром наряду с такими стихотворениями, как героическая баллада Бориса Богаткова «Девять ноль-ноль», все поэты сборника охотно пишут о прозаической стороне солдатского дела.

И спорим о портянках и махорке,
Как прежде о лирических стихах.

(Арон Копштейн)

Война совсем не фейерверк,
А просто трудная работа,
Когда, черна от пота, — вверх
Спешит по пахоте пехота.

(Михаил Кульчицкий)

Умение полностью раствориться в этой тяжелой работе войны:

На бойцах и пуговицы вроде
Чешуи тяжелых орденов:
Не до ордена. Была бы родина
С ежедневными Бородино.

(Михаил Кульчицкий)

И при этом — умение не потерять в обыденности военных будней того, во имя чего был принят бой, умение пронести сквозь войну, сквозь опасность, сквозь заботу о портянках и котелке все богатство, всю сложность своей духовной жизни.

Я тем горжусь, что в лыжном эскадроне
Я Пушкина читаю наизусть...

(Арон Копштейн)

Кто из ровесников погибших поэтов не узнает во всем этом хоть немного себя и своих друзей?

Кто, не узнав, не испытывает втайне горечь, что молодость обошла его стороной?

Но было бы глубоко неверно думать, что поэты, представленные в этом сборнике, были все как один человек. Такое впечатление могла создать эта рецензия потому, что до сих пор речь шла о самом главном, о том, что было общим для них. На самом деле поэтов очень различных по степени зрелости и поэтическому строю собрала под один переплет эта книжка. Не книжка — судьба. Нет нужды подравнивать по линейке и наводить «хрестоматийный глянец» на этих людей. Такую возможность они предвидели и против нее заранее протестовали.

Они нас выдумают мудрых.
Мы будем строги и прямы,
Они украсят и припудрят,
И все-таки пробьемся мы! —

писал Павел Коган.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы, —

писал Николай Майоров.

Они правы, споря с этим возможным будущим мифом, в котором они не нуждаются. С них достаточно правды.

Главное в своей жизни они сделали верно, так, что вернее не сделать, и они имеют право оставаться в нашей памяти такими, какими они были, — живыми, разными, непохожими, сложными, ищущими, порой ошибающимися, но всегда убежденными, непримиримыми, чуждыми какому бы то ни

было равнодушию, успокоенности, горячо отстаивающими свое представление об истине.

Самое страшное в мире
Это быть успокоенным.
...Славлю мальчишек смелых,
Которые в чужом городе
Пишут поэмы под утро,
Запивая водой лозозубой,
Закусывая синим дымом.

(Михаил Кульчицкий)

Они жили в атмосфере высокого спора, в атмосфере горения, поисков.

Они спорят между собой даже под этим переплетом цвета солдатской шинели.

Спорят о разных путях познания своего времени. Для одних все с самого начала понятно и ясно, за стихами других угадывается пусть короткий, но уже непростой и нелегкий путь, полный тревог, раздумья. Это разница восприятия, характеров, темпераментов, биографий.

Спорят о разных манерах писать. Одни пишут, явно и открыто поставив перед собой задачу писать не только от своего имени, но и от имени своего соседа по окопу, своего отделения, роты, полка, народа — от них и за них. Другие пишут непосредственно о себе — из себя, отчего стихи их часто не меньше, а даже больше выражают чувства соседа, отделения, роты и т. д., ибо в поэзии важно не писать за народ, а жить жизнью народа, и тогда то, что ты будешь писать о себе — за себя, будет и о народе — за народ, а чем в меньшей степени рассудочность стерла своеобразие чувства, чем непосредственнее вышел из сердца стих, тем короче для него путь к сердцу другого.

Под этим переплетом спорят о новаторстве и о традиционности формы, спорят о ритмах, о рифмах; тут и спокойные завершенные строфы, покоящиеся на веками отстоявшихся метрах, тут и резкие, угловатые строчки крутой «лесенки», тут и уверенные в себе, прозрачные рифмы, и рифмы, неожиданно сталкивающие, казалось бы, и не предназначенные друг для друга слова.

Один из поэтов пишет:

И грязь была...
Пришлось ворочать
К ногам налипшие пласты.

Другому этого недостаточно:

И глина в чавкающем топоте
До мозга костей промерзших ног
Наворачивается на чоботы
Весом хлеба в месячный паек.

В этой книге нередко спорят живое чувство и штамп. Чем сильнее, чем непосредственнее чувство, тем решительнее пробивается оно сквозь скорлупу обезличивающего штампа.

И уже сам этот спор, сама громкая многоголосица, само горячее многообразие книги — выражение ее целостности, выражение той единой, многообразной, кипучей жизни, которая стоит за книгой, которой жили ее авторы, они же ее герои, в большинстве своем подростки и юноши тридцатых годов.

Но книга эта могла быть еще ярче. Не во всех случаях в сборник попало самое

лучшее из того, что написано поэтами. Больше интересных стихотворений нужно было отобрать из написанного Николаем Майоровым, Павлом Коганом, Михаилом Кульчицким, — другое дело, что эти поэты могут и должны выйти отдельными книжками, — и данный сборник должен был представить их полнее, во всяком случае ярче. Наверное, это относится и ко многим другим поэтам.

То, что сделано составителями сборника, только заявка, только начало большой работы.

Ю. КАПУСТО.

★

Жизнеописание великого норвежца

Хорошо, когда писатель открывается нам по-новому с каждой книгой, радуется и свежестью темы и возросшим мастерством.

Своей дорогой вошел в литературу Георгий Кублицкий, географ и путешественник. Его очерковая книга «Енисей, река сибирская», его научно-художественные труды «Большая Волга», «По материкам и океанам» увлекательны, богаты материалом, в них пафос освоения пространства.

И вот новая книга Кублицкого. Раскроем ее.

«По набережной шел высокий юноша с тощим чемоданчиком. На нем был длинный серый сюртук со множеством мелких пуговиц и узкие штаны, сильно вытянувшиеся и раздувшиеся в коленках».

Вы с первых же строк запоминаете этого юношу, немного нескладного, скромного и очень настойчивого. Сейчас он отправляется в свое первое плавание на зверобойном паруснике «Викинг». Впереди у него большая жизнь. Он будет знаменитым исследователем Арктики, ученым, поборником прогресса. Он будет другом молодой Советской республики, почетным членом Моссовета, одним из провозвестников могучего движения народов за мир.

«Фритьоф Нансен, его жизнь и необыкновенные приключения» — стоит на титульном листе. Автор верен себе, он сам — в поисках необычного, героического для своих юных друзей. Этой книгой он к тому же проложил путь в новый для себя жанр биографической повести.

Георгий Кублицкий. Фритьоф Нансен, его жизнь и необыкновенные приключения. Редактор Г. Малькова. 336 стр. Детгиз. М. 1958.

Сложный жанр! Здесь надо быть и ученым и художником. Надо с научной методичностью собрать и осмыслить материал, поведать читателю и о свершениях героя и крепко сдружить с ним читателя.

Справился ли с задачей Кублицкий? Да, вполне. Книга привлечет и школьника и взрослого.

Автор досконально знает то, о чем пишет. Он использовал русские и иностранные источники, изучил документы о Нансене, недавно опубликованные в Норвегии его дочерью Лив. Он был на родине великого норвежца, видел черные скалы фиорда, блестящие от дождя, и водопады, которые летят в пучину фиорда, кажется, прямо с неба. Пейзажи в повести броские, выразительные. И еще одно достоинство Кублицкого — он умеет рассказать в немногих словах удивительно много. Обилие фактов не утомляет, автор обладает даром изобразительной информации, столь необходимым популяризатору.

Да, читатель познает и в то же время видит. Он знакомится с Норвегией, с ее народом, с обычаями, культурой, национальным характером норвежцев. Он становится спутником Нансена — любопытным и нетерпеливым.

Кублицкому чужда слащавость, нередко встречающаяся в биографическом жанре. Писатель скуп на восклицательные знаки, он уважает читателя и ничего не навязывает ему. Просто, мужественно и тепло показывает он Нансена в беспримерном лыжном переходе через Гренландию, Нансена на корабле «Фрам» и на льду, при попытке пробиться к Северному полюсу.

